

Теннадий Болтунов

В детство
можно
возвратиться

Стихи

Геннадий Болтунов

**В детство можно
возвратиться. Стихи**

«Издательские решения»

Болтунов Г. В.

В детство можно возвратиться. Стихи / Г. В. Болтунов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903041-2

Автор книги уроженец Ленинградской области, хотя вся сознательная жизнь связана с Орловщиной, литературной столицей России.. Его малая Родина — посёлок Оредеж. В памяти автора живут сказочные картины детства у реки с одноименным названием и дороги до неё. Стихи наполнены элементами этой детской сказочности и одновременно философичны.

ISBN 978-5-44-903041-2

© Болтунов Г. В.
© Издательские решения

Содержание

В детство можно возвратиться	6
Геннадий Болтунов	7
Сказки	8
I. Дошёл до точки	9
Сладкий день	9
Чьи мы будем?	9
Помню, были времена...	10
Щенок	10
Было время	11
Врушка	11
Успевалка	12
Дошёл до точки	12
Тараторка	12
Про муху	13
Если время конечно	13
Лыжные соревнования	14
Впадаю в детство	15
Ирка	15
По обугленному дну	16
II. Зеркало в рай	17
Здравствуй, Вадим!	18
День рождения	19
Муравей	20
Хотя нет его давно, было и у нас кино	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

В детство можно возвратиться

Стихи

Геннадий Владимирович Болтунов

Фотограф Геннадий Владимирович Болтунов

© Геннадий Владимирович Болтунов, 2018

© Геннадий Владимирович Болтунов, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-3041-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В детство можно возвратиться

Стихи

Геннадий Болтунов

Поэтический стаж автора книги, насчитывает более полувека. Кроме публикаций в различных сборниках и альманахах имеет одну книгу стихов «Слепящая мгла», вышедшую в 1997 году, в стадии выпуска находится книга «А это забавно – к себе присмотреться». Последняя не электронная публикация стихов была в альманахе Орловской областной организации СП России «Орёл литературный» за 2012 год.

Уроженец Ленинградской области, хотя вся сознательная жизнь связана с Орловщиной, литературной столицей России. Его малая Родина – посёлок Оредеж. В памяти автора живут картины детства у реки с одноименным названием и дороги до неё. Стихи автора наполнены элементами этой детской сказочности и одновременно философичны.

Сказки

«Что за прелесть эти сказки...»

А. С. Пушкин

Давайте сядем сказки повторять:
лиса прогнала зайца из избушки,
а заяц горько плакал на опушке,
да как не плакать – было, что терять.

Другая сказка: курица яйцо
снесла, один раз в жизни – золотое.
Яйцо разбилось. Вроде бы пустое
переживать над этим, но лицо
в слезах у бабки, на мышонка злится.
Да как не плакать – было, чему биться...

Ах, эти сказки! В них конец – венец:
дурак вдруг мудр и умно поступает.
Петух лису прогонит, наконец,
а курочка яйцо им изваяет
из злата...

Сказки прелести полны,
в них важно всё: с начала до развязки.

...А мы

печём на голове блины,
боимся слова доброго и ласки...
И, упаси нас, от придумки сказки, —
в детей мы превращаться не должны!
– А сказки-то для взрослых
соз-

да-

ны...

І. Дошёл до точки

Сладкий день

Небеса, на голубом глазу,
выкатили Солнце нам в подарок,
жаль, – подарок оказался жарок,
как варенье, что кипит в тазу.
Сладок день, да нёбо обжигает.
Вот бы ветерком чуть охладить,
отыскав тень малую, по краю
горизонта блюда, разложить.

Чьи мы будем?

Здесь птицы очень любопытны.
«Чьи?», – вопрошают, надо знать,
чтобы ни думать, ни гадать,
насколько пришлые элитны.
«Чьи?.. Чьи?» Пытаюсь дать ответ,
однако он им – дело пятое,
хотя другого дела нет.
«Чьи?.. Чьи?.. Чьи?.. Чьи?..»,
как будто спятили.

Но бесконечность их вопросов
и нежеланье знать ответ,
ведут нас, как незримый посох,
туда, путей откуда нет.

Уже и сами, чьи не знаем, —
настолько корни глубоки.
Возможно, мы не там копаем,
в себе копаясь, чудаки.

Помню, были времена...

Помню, были времена,
когда Солнце, как Луна,
было тоже на орбите.
Земля – центром всех событий...

Только разве это дело,
чтобы центром было тело,
а душа была внакладе,
днём гуляя где-то сзади?

Помню, кто-то издаля
крикнул: вертится Земля
вокруг нашего светила, —
что центристов возмутило.
Лишь со временем дошло,
что Земля и есть душа,
а по ней тела, шурша,
поспешают тяжело,
потому, что им меша...,
потому, что им меша...,
постоянно им меша...,
воспарить мешает

зло.

Щенок

Такой шерстистый симпатяга.
За всеми бегаёт, скулит.
Кто выгнал на мороз беднягу,
какой духовный инвалид?

Светает поздно. На работу

спешит народ. Всех ждут дела.
Жалеть спросонок неохота
того, кто ждёт от них тепла.

Вдруг, поскользнулась грузно
тётя.

Щенок к ней тут же, не спеша.
Ах тётя – добрая душа.
«Да пусть ругают на работе!», —
Взяла, пригрела малыша.
Хотя, он ей и ни к чему.
Не всё же делать по уму.

Было время

Было время, когда не было
ни бумаги, ни чернил.
Были камни. – Камень требовал,
для писания, зубил.
Высекалось только главное —
не до лишнего труда.
Люди не были тщеславными —
первобытная среда.

Вот теперь – иное дело
и, куда ни бросишь взор,
пишут люди
краской, мелом...
на уступах древних гор:
«Здесь был Вася!», Сдезь был Петя», —
пишут дату: месяц, год... —
Пусть потомок надпись встретит
и
от зависти умрёт.

Врушка

Говорила дочке мать,
что не надо взрослым врать.
Дочка маме отвечала:
«Разве я не классно врала?».

Успевалка

Успеваает за минуту
всех собрать, всё перепутать,
успеваает поглубить,
чтобы, тут же, позабыть.
Успеваает, на Ура,
подниматься в семь утра,
собираться за мгновенье,
но, испортив настроенье.
Опоздав, умеет врать,
разбавляя правды граммы,
на родителей взирать
взглядом очень взрослой дамы.

Дошёл до точки

Сегодня я дошёл до точки, —
пошёл на ограбленье дочки:
я у неё украл листочки,
где нацарапал эти строчки.

Тараторка

На звонки телефона всегда
отвечала она: «Да, да, да».
И на всё, что ни пел он на ухо:
«Да! Да, да», – то ликуя, то сухо.
Иногда и холодное: «Да», —
словно вылитое, изо льда.
А порой, её «да?», так звучало,
что «возможно и нет» означало.

«Да» звенело, почти непрерывно,
то восторженно, то наивно.
Обожала подруг череда
много ёмкого, вечного: «да».

А она так подружек ценила,
что сама никому не звонила.

Про муху

Я вчера стихотворенье
нацарапал, про варенье.
Тут же муха прилетела
и стихотворенье... съела.

От такой еды она
стала ростом со слона,
с крыльями от вертолѐта.
Воевать с ней неохота, —
разозлившись,
хоботком
разломает кошке дом.

– Почему?
– Плохое зренье.
Не пишите про варенье,
чтобы не плодить слонов.
Ваш

Геннадий Болтунов.

Если время конечно

«Говоря, что ты думаешь,
думай, что говоришь».

А задуматься если над небесным звучаньем
двух частей этой фразы, то пауз молчанье
прояснится и следом проявится тишь.
Вижу то, что я ем, или ем, что я вижу,
что имею – люблю, что любил, то имел.
Мышам вечно извне кот мерещится рыжий,
тот, который во сне от чудес очумел.
Все слова по отдельности многим понятны,
но их смысл исказится, когда станут строкой.
Точно также в молекулы тянутся атомы,
но, на ощупь, лишь воздух застыл под рукой.
В нас загадок полно, ожидают ответа
и, казалось бы, стоит ли их повторять,
если время конечно во все стороны света,
жаль, что мы это время
продолжаем терять.

Лыжные соревнования

Погода, снова: «Здравствуйте!». —
Из сахара денёк,
следы от лыж по насту
бегут вдоль – поперёк.
Зашебаршил за городом,
волнуется народ:
глядеть-то любо-дорого, —
такого старта ждёт!

Комарик-пистолетик
вот-вот чихнёт на нас,
мы вновь рванём, как дети,
как дети в первый класс...

Ушли мы, как положено,
прорвать бы толчею,
попасть, что кортик в ножны,
попасть в лыжню свою.
Потом на взгорье, ёлочкой,
и вниз, где ждёт река...
Разложена по полочкам
дистанция, пока.

Но вот на повороте,
держись, не упали...,
а силы на излёте,
и сердце – из груди.

Спиною потной вижу, —
у крайнего за мной
украли будто лыжи,
и дышит, как больной.
Пока по снегу роет,
мне надо гнать вперёд,
дыхание второе
должно прийти, придёт!

А боковое зрение
на третьего косит,
под финиш, без сомнения,
обгонит, паразит....

Даю лыжню, – положено,
хотя б одну, но дашь,
и вдруг, что вижу, Боже мой,

да это ж парень наш!
На пару гоним, с паром,
я – прицепной вагон,
сюда б ещё гитару,
да это же не сон:
Вот финиша полоска,
её парнишка рвёт.
Наелись оба – в доску.
А публика? – ревёт!!!

Впадаю в детство

В нашем детстве жалком было всё в порядке:
мы играли в салки, мы играли в прятки,
в казаки-разбойники пацаны играли,
«дамы» – в дочки-матери около сараев...

Детство упорхнуло, юность прилетела,
крыльями взмахнула, поиграть хотела
и, уже не в полдень – в сумеречный час,
слышно: «третий лишний кто-то среди нас».

Кто-то третий – лишний, но в игре другой,
у игры название странное – «любовь»...
Дальше будет зрелость, но и зрелость минет,
волосы украсит неизбежный иней
и, ещё немного, старость у порога.
Странная такая, – будет жить, играя
снова в игры детства. А куда ей деться? —
Просит внук ли, внучка (велика их власть)...

Чтобы власть не мучила, надо в детство

впасть!

Ирка

Когда мне пятнадцать было,
Ирке было только пять,
но, она в меня влюбилась
и звала с собой гулять:
«От мальчишек нехо-рроших
убегай, ходи со мной,
только я тебя не брр-рошу,
до-ррогой под-рружек мой!».

Я смеялся, подчинялся,
с ней в любви поднаторел
и... с мальчишками не знался,
пока Ирка во дворе...

Всё закончилось обломом.
Где-то, через пару лет,
хоть разыскивай всем домом —
во дворе Иришки нет.

Увезли родители, будто увели.
Говорят, что видели.
Солнышком
вдали.

По обугленному дну

Крыли нас
местами матово,
шили нам
порой дела,
получалось,
но с заплатами
там, где истина бела.

Вот и всё.
Всё шито-крыто
в прошлое, что в пелену...
Эхом цокают копыта
по обугленному дну.

II. Зеркало в рай

Здравствуй, Вадим!

*Аннотация к новой книге стихов Вадима
Ерёмина «В течение дня», увидеть её ему
не довелось*

На маршрутке с работы, работу кляня,
благо место свободное было.
Приоткрыл переплёт и «В течение дня»
затянуло и сердце зануло. —
Новый омут внезапно из книги сверкнул,
в глубину пронырнул – отпустило,
думал, шаря по дну, что водицы хлебну:
ни воды на страницах, ни ила.

Бил, однако, родник и бездонен он был.
Это что же ты делаешь, Боже? —
К родниковой приник, всё на свете забыл, —
чистотой свою душу встревожил.

На обложке квадрат. Я квадрату не рад, —
он враспяжку, но автора знает
сей квадрат-херувим и туманы за ним.
Боже праведный, так не карают.

Я на самом краю одиноко стою,
без друзей, и уже не гоним,
а ты друга привёл. Вроде бос, да не гол —
в переплёте.
Ну, здравствуй Вадим!

День рождения

Проводив гостей, жую
в День Рожденья жизнь свою.
Прислонившись возле стенки,
дегустирую оттенки
бренной жизни, до седин,
оказавшись, вдруг, один.

Но терзая своё зреньё,
разглядеть пытаюсь зря
миг последнего мгновенья —
земляничное варенье
застит очи, вот ведь мря.

Аромат невыносимый
как магнитом притянул.
Хорошо, был рядом стул,
пригласил: садись, любимый.

А варенье-то откуда? —
Подарил один иуда,
покидая мой порог.

Лучше выдумать не мог.

Муравей

Залип в смоле, текущей по коре,
затем ли, чтоб очнуться в янтаре,
попасть в кулон, а с ним на грудь девицы,
чтоб в свет могла девица появиться?
Неведом мне смысл действий муравья.
А ведь, внизу ждала его семья!
Но он – залип, задумавшись ознобно.
Не поступайте муравью подобно.

Хотя нет его давно, было и у нас кино

В пятидесятые годы прошлого века существовали «кинопередвижки».

«Кино» крутили на улице с кузова машины, или с подставки на подвешенную простынь или специальный экран. При этом стоило приподняться кому-либо с привезённых скамей, огромная тень от него вылезала на экран.

Почему-то всегда при этом раздавался свист, в сторону киномеханика слышалось: «сапожник!».

Если встать между экраном и проектором,
проявлялась тень на простыни, что тать,
проявлением себя пугала некоторых,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.